

С. Н. Корсаков

**КТО И КАК СДЕЛАЛ
РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ НЕИЗБЕЖНОЙ**

Тверь
2018

УДК 1(470) (091)
ББК 87.3(2)6
К69

Сведения об авторе:

Корсаков Сергей Николаевич, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель группы истории философии советского и постсоветского периода Института философии РАН

Корсаков С. Н.

К69 **Кто и как сделал русскую революцию неизбежной.** – Тверь: «СФК-офис», 2017. – 32 с.

ISBN 978-5-91504-

В брошюре рассматривается вызревание экономических, социальных, политических предпосылок русской революции 1917 г. На основе анализа исследовательской и мемуарной литературы автор выстраивает своё видение событий. Основная идея: к революции напрямую вела государственная деятельность политиков, наиболее прославленных в наше время: Александра II, Столыпина, Николая II. Причина – в жёстком отстаивании ими интересов помещичьего класса, к которому они принадлежали.

УДК 1(470) (091)
ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-91504-

© С. Н. Корсаков, текст, 2018
© «СФК-офис», оформление, 2018

Предисловие

Работа обществоведа в чём-то сродни работе сейсмолога. После того, как землетрясение произошло, сейсмолог с исчерпывающей научностью объяснит, почему оно стало неизбежным. Но накануне землетрясения он может судить о нём лишь с долей вероятности. Так и исследователь общества не может с достоверностью предсказать революции. Он может говорить только о тенденциях. Но тенденции осуществляются тогда, когда всё-таки становятся неизбежными. Видимо, суть дела в том, что сама «неизбежность» носит процессуальный характер. Она «складывается». Процесс развития данной тенденции идёт по нарастающей, если сохраняются наиболее фундаментальные противоречия. Их разрешение тормозится из сферы надстройки. Но торможение в этом случае рано ли поздно закончится взрывом, т.е. революцией.

Когда после 1991 года были сброшены памятники Дзержинскому, Свердлову, Калинин, а потом были установлены памятники Александру II, Столыпину и Николаю II, я воспринял это с чувством разочарования. Но потом я вспомнил об «иронии истории», феномен которой разъяснил нам Гегель. И убедился в «разумности» совершившегося. Правильно им поставили памятники! Никакие революционеры не сделали для русской революции больше, чем Александр II, Столыпин и Николай II. Благодаря их политике, с поправкой, конечно, на хитрость исторического разума, вероятность революции в России становилась всё более неизбежной. Даже пассивный по своему складу правитель, нацеленный на сохранение статус-кво, вроде Николая II, оказывает на жизнь страны влияние, далеко превосходящее усилия революционеров всех вместе взятых. Ведь всякий его шаг многократно резонирует с многообразными социальными институтами: от общественного мнения до пенитенциарной системы. Резонирует и усиливается от этого. Революционерам остаётся только пожирать плоды политики, которая была нацелена на удовлетворение интересов господствовавшего класса.

Мысль, которую мы хотим обосновать, проста. Правительство Александра II не захотело ликвидировать феодальные отношения в стране, стремясь соблюсти интересы помещиков. Принятые правительством меры в рамках «освобождения» крестьян, оставили

неразрешёнными фундаментальные социально-производственные противоречия, которые стали экономическим фактором ускоренного движения страны к революции. Революция во многом уже была предопределена, но ещё не была неизбежной. Реформы Столыпина завязали на шее Российской империи «галстук» почти неразрешимых социальных противоречий. После этого для того, чтобы революция произошла с медицинской неизбежностью, понадобились определённые изменения в политической сфере. Политика Николая II сделала русскую революцию неизбежной окончательно.

Александр II

После реформы 1861 года противоречия феодального общественного устройства наложились на формирующиеся капиталистические противоречия. В чём жизненная суть реформы 1861 года? В том, чтобы заставить крестьян по-прежнему работать на помещиков и сохранить сословные привилегии. В качестве гарантий сохранения господства помещиков и появились пресловутые отрезки, когда у крестьян отрезали от четверти до половины той земли, которой они пользовались¹. После двух лет «межевания» крестьяне становились срочнообязанными, и оставались ими, пока не «отработают» стоимости отрезанной земли, не могли ни уйти от барина, ни оставить надел. Затем крестьяне переводились на выкуп и вносили платежи в казну. Выплата растягивалась на поколения.

Вся эта процедура, затеянная «царём-реформатором» и его чиновниками, не только носила кабальный и издевательский характер. Она напрочь расходилась с мировосприятием русского крестьянина. Идеология «реформы» базировалась на тезисе, что вся земля – помещичья. Идея освобождения крестьян без земли или же с выкупом, жила долго и обсуждалась дворянами: не только корыстными помещиками с царём во главе, но и бескорыстными декабристами. Некоторые из них, не дожидаясь победы восстания, пытались в рамках действовавшего законодательства предпринять меры к освобождению своих крестьян. Когда крепостные декабриста Якушкина узнали

о планах своего барина, они пришли к нему, поклонились и сказали: «Пусть всё остаётся по-прежнему: мы Ваши, а земля наша»². Крестьяне хорошо помнили, что предки их помещика получили эту землю вместе с ними за службу государству. Указы о «вольности дворянства» Петра III и Екатерины II уже лишали крепостническую систему всяких «юридических» оснований. Русские крестьяне всегда считали своей и барскую землю, которую обрабатывали на барщине. По реформе Александра II они лишались прав не только на эту землю, но и на часть земли, которой прежде распоряжался крестьянский мир.

Крестьяне и раньше с трудом могли прокормиться на той земле, которую обрабатывали для себя, теперь же они лишались от четверти до половины этой земли. Крестьян вынуждали обратиться за землёй к помещику. Помещик, конечно, был заинтересован в том, чтобы вся его земля обрабатывалась: и прежняя, и «отрезки». За обработку «отрезков» он мог дополнительно назначать барщину или оброк. Искусственно создавалась ситуация, когда «лично свободный» крестьянин был вынужден вести себя так, как если бы он по-прежнему оставался крепостным. Крестьянские повинности и недоимки в результате только росли. В этом – ещё одна сторона реформы. Реформаторы не позабыли и об интересах русского и иностранного капитала, нуждавшегося в рабочей силе. По окончании срочнообязанного состояния крестьянин, который не мог выплачивать все повинности, видел единственный выход в продаже своей земли. Продать и уйти в город. Кто покупал эту землю? Либо помещик, либо кулак. Причём, кулак тоже был заинтересован в рабочей силе. Разорившиеся крестьяне, у которых не было средств переселиться в город, которым не удалось найти работу там, становились батраками у своего односельчанина-кулака.

Твердыня помещичьего землевладения осталась незыблемой в результате реформы. Реформа, в сущности, для того и затевалась. При этом надо понимать, что на практике, как всегда это бывает в России, параграфы «Положения» о реформе приобретали значительно более бесчеловечный характер. Помещики, предприниматели и чиновники дружно блокировались, отстаивая взаимные интересы. У крестьян отрезали не просто какие-то равномерные участки, у них выбирали

¹ Савченко В. И. Властью разума. М., 1985. С. 99.

² Лебедев А. А. Честь. М., 1989. С. 104.

лучшие куски пахотной земли, не считаясь ни с какими соображениями удобства размещения и пользования, а взамен давали неплодородные пустоши. Не останавливались и перед переселением крестьян целыми деревнями, лишь бы при межевании записать лучшие земли как помещичьи.

Тверской помещик Безобразов решил переселить крестьян на полверсты от их прежнего местожительства на совершенно неудобную землю, а удобренную крестьянами землю оставил за собою. При этом он не пожелал даже выделить крестьянам лесу на постройку изб на новом месте. Средств же на обустройство у крестьян просто не было. Крестьяне Безобразова так обнищали из-за ежедневной работы на барщине, что свои старые поля принуждены были обрабатывать по ночам. Протесты крестьян против переселения ни к чему не привели, потому что помещик широко воспользовался своими хорошими отношениями с местным исправником и дружбой с мировым посредником, интересы и воззрения которых полностью совпадали. Помог крестьянам чудесный случай. Тверские общественные деятели были в те годы самыми либерально настроенными в России. Крестьяне Безобразова обратились к либеральному помещику Бырдину с просьбой найти защиту повыше. Бырдин поехал в Тверь и вечером пошёл на квартиру к вице-губернатору М.Е. Салтыкову-Щедрину. Случилось так, что губернатор был в отъезде, и классик русской литературы временно управлял губернией. «Михаил Евграфович немедленно сделал распоряжение приостановить переселение вышеуказанных крестьян впредь до расследования»³. Но воспрепятствовать помещику переселить своих крестьян и отвести им в наделы самые неудобные земли не мог и вице-губернатор. Безобразовские крестьяне лишь получили требуемый им лес на постройку и льготу на уплату оброка в течение трёх лет.

В результате реформы «царя-освободителя» русские крестьяне лишились своих лучших земель. Многие разорились, стали жить ещё беднее. Помещичье землевладение превратилось в мощный взрывоопасный фактор, мину, заложенную под здание Российской империи. Его сохранение, гарантированное правительством, тормозило раз-

витие страны. Никакого иного пути, кроме революционного изменения ситуации просто не оставалось. Русская революция в экономическом отношении была в значительной степени predetermined действиями правительства Александра II.

Новизна ситуации после реформ состояла в том, что отмена крепостного рабства, безусловно, способствовала росту гражданского самосознания и личного достоинства огромного числа людей. Однако реформы практически не оказали влияния на сохранность сословных порядков. После получения личной свободы миллионы тружеников в России стали реагировать на сословные ограничения с гораздо большей остротой, чем это было при крепостном праве. Так царское правительство всё ту же завязывало узел противоречий, разрешить которые не могло и не хотело.

В этих условиях как на дрожжах стало подниматься общественное движение, приобретающее, в том числе, и революционные формы. Причём объектом для борьбы впервые стал царизм как система. «Борьба с царизмом» – реальность уже пореформенной России. Крестьянские движения в России никогда не выступали против монархического принципа. Декабристы так и не выработали единой позиции по этому вопросу. Теперь же, после крестьянской реформы, «Зимний дворец, выведя помещиков из-под сокрушительного удара, подставил под град критики свой государственный аппарат, то есть, самоё себя... Реформы служили не примирению общества и власти, а отдаляли их друг от друга»⁴.

Вот парадокс: самодержавие не должно было уже оставаться в прежнем своём виде даже при тех половинчатых реформах, которые были им же проведены. Но изменять себя было выше его сил. Любят рассуждать о том, что в день своего убийства Александр II должен был подписать «конституцию». В том, какая бы это была «конституция», может себя обманывать только наивный. Максимум, на что можно было бы рассчитывать в самом лучшем случае, это на «булыгинскую думу». «Ужели при расстройстве всех отраслей управления, при установившемся грабеже, взяточничестве, при уничтожившемся кредите, при предстоящих страшных займах – это правительство пойдёт прежним гибельным путём: предоставит себе одному всю

³ М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1975. Т. 1. С. 130.

⁴ Ляшенко Л. М. Царь-освободитель. М., 1994. С. 100, 101.

ответственность своих действий и не обратится за словом, за советом к своему народу? – спрашивал декабрист А. В. Поджио в середине 1860-х гг., и сам же отвечал: – Поделиться властью свыше их сил, и самодержавие не было бы в сущности самодержавием, если бы оно было и уступчиво, и разумно!»⁵.

Народовольческий террор и стал прямым следствием такой политики, неожиданным как для царизма, так и для самих народников. «Хождение в народ» 1874 г. было жестоко пресечено царской полицией, во-первых, потому, что это было общественное движение. Общественная инициатива в принципе несовместима с самодержавием. Движение было бы пресечено, даже если бы народники уговаривали крестьян слушаться и любить царя и своих хозяев. Во-вторых, для царизма неприемлема была прямая, заявленная цель движения: содействие просвещению народа. Народники, которым удавалось легализоваться, в основном становились учителями. Конечно, они преследовали свои пропагандистские цели. Но долг свой они видели в элементарном просвещении народа, который был в массовом порядке неграмотным. Политика царского правительства в этой сфере на протяжении веков, напротив, заключалась в систематических помехах распространению образования среди податных сословий. И вот, за слабую попытку общественной инициативы в деле народного образования, свыше полутора тысяч молодых людей были арестованы. Три года они находились в одиночных казематах под следствием. Около ста из них за это время либо умерли, либо сошли с ума, либо покончили с собой. В 1877 г. по процессу 193-х почти половина была оправдана, поскольку кроме добровольного учительства среди крестьян им нечего было вменить в вину. В 1878 г. с выстрела В. И. Засулич в Ф. Ф. Трепова начинается время террора.

Пропагандистов 1874 года крестьяне зачастую отказывались слушать, нередко изгоняли из деревень, а иногда сдавали полиции. Они были недовольны своим экономическим положением. Но не поддавались антиправительственной агитации, потому что сохранялись выработанные веками социальные скрепы, которые не давали расколоться общественному организму. Главным из них была крестьянская община. Эта форма организации общественной жизни позволя-

ла правительству держать под контролем подавляющую в своей численности массу лишённого земли крестьянства. Даже спорадически возникавшие крестьянские бунты регулировались общиной. Бунт подавлялся. Крестьянский мир выдавал из своей среды его зачинщиков. Но те, уходя на каторгу, знали, что и о семье их односельчане позаботятся, и всему миру какое-никакое послабление выйдет. Так, устойчивая в своей неустойчивости, сохранялась органичная социальная стабильность в стране, где стремительно накалялись и переплетались старые феодальные и новые капиталистические противоречия, а форма управления не менялась со времён абсолютизма. Так продержался буржуазно-помещичий строй в России до революции 1905 года.

Столыпин

Революция – экстремальная ситуация, которая значительно длится во времени. Революция, поэтому, война нервов. Экстремальному времени сопутствуют экстремальные меры и присуще ожидание избавления, которое принесёт с собой чаемый «спаситель». В расчёт не берётся, что средства, предложенные новоявленным спасителем, могут вести к окончательному погублению. Ведь меры надо принимать срочно!

К 1905 году тупиковость экономического строя, сформированного реформой 1861 года, была ясна всем слоям общества. Самое опасное, что можно было делать в такой ситуации, это сохраняя в неприкосновенности основы существующего порядка, начать при этом проводить частичные реформы системы социальных отношений. Именно это и попытался сделать принятый за «спасителя России» Столыпин.

Послушаем свидетельство лица знающего и беспристрастного, председателя Государственной Думы Ф. А. Головина: «Первое выступление Столыпина убедило меня в том, что это не только хороший оратор, но что это человек с темпераментом и сильною волею. Перед Думой выступил политический деятель, способный мужественно и ловко бороться с врагом, стойко отстаивать своё положение и свои взгляды, не останавливаясь перед самыми решительными действи-

⁵ Поджио А. В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 123.

ями ради достижения победы. В нём чувствовался не хитрый царедворец, не достигший власти генерал, не достигший власти интригами и связями бюрократ, а убеждённый враг революционного движения, способный энергично бороться с проявлениями революции, но не с причинами её. Подавить восстание Столыпин мог, но выработать и осуществить реформы, необходимые для уничтожения причин революционного движения, он не был способен. Для последнего у него не было достаточного ума государственного деятеля»⁶.

В жизни мы зачастую принимаем самоуверенного человека за умного. Со Столыпиным произошла та же самая аберрация восприятия. Самоуверенность Столыпина подкупала и продолжает подкупать. Ей верили, потому что хотели верить. Ведь он гарантировал: я избавлю вас от социализма, я знаю рецепт, как это сделать! Рецепт, правда, был хорошо известен: «стольпинский галстук». Но, всё же, была уверенность, что именно Столыпин затянет его как следует.

Самоуверенность подвела Столыпина именно по части неадекватности самооценки. Вместо того, чтобы осознавать себя обычным палачом, вроде П. Н. Дурново или Д. Ф. Трепова, он посчитал себя реформатором-спасителем. В этом качестве он выдвинул известную программу реформ. Но новизна в этом проекте была особого свойства: поступать не как прежде, а наоборот. В течение десятилетий несколько царских правительств, во-первых, всячески поддерживали и сохраняли крестьянскую общину, во-вторых, вели линию на интеграцию представителей элит национальных окраин в общеперскую элиту. Было аксиомой, что проведение такой политики способствует поддержанию стабильности Российской империи. И вот, в период обострения кризиса явился «знахарь», который заявил, что гарантирует быстрое излечение, если поступать ровно наоборот.

Почему Столыпину был дан карт-бланш на проведение политики, противоположной традиционной политике царизма? Во-первых, потому, что «новый курс» предлагался Столыпиным в комплексе с обещанием задушить революцию. Во-вторых, потому, что расслоение в русской деревне было налицо, и можно было возмечтать о крепком крестьянине – опоре трона, вроде французского крестьянина времён

Бонапарттов. При этом не подумали, что французский крестьянин стал таким, купив себе землю из «национальных имуществ», конфискованных революцией у дворян. И главное – Столыпин пришёл в тот момент, когда царизм испытал сильное разочарование в монархических чувствах крестьянства, получив по в известном смысле прокрестьянскому избирательному закону вполне революционную Первую Государственную Думу.

Революцию Столыпин действительно подавил в лучших традициях карательной политики самодержавия, пополнив её лишь пресловутыми «галстуками». «Реформы» же Столыпина стали сильнодействующим средством по разрушению социальных основ существования Российской империи.

Столыпин – помещик и убеждённый защитник помещичьего землевладения. Все свои реформы он предпринимал ради того, чтобы сохранить помещичье землевладение в неприкосновенности. Он стремился перенести остроту социальных противоречий за пределы сферы отношений между помещиками и крестьянами, внести конфликт в среду самого крестьянства, где этот конфликт и так постепенно обострялся.

Сей государственный муж не понял одной простой вещи: главный враг помещика, главная угроза ему – кулак. Как показывают исторические исследования, в Государственной Думе законопроект об аграрной реформе не получил поддержки именно со стороны депутатов-крестьян. Почти все они были зажиточными людьми и монархистами. Но они ясно видели противоположность политики Столыпина своим классовым интересам. Мало того, что в стольпинском законе содержались ограничения на размеры скупки бывшей общинной земли: чтобы владения кулаков никогда не сравнялись бы с помещичьими. Главное, что поняли крестьяне: от этого закона они не получат ничего из помещичьих земель, даже того, что было отобрано у них реформой Александра II. **Солидарный классовый интерес** крестьянства был сильнее противоречий между кулаками и батраками. Перетасовка земель между крестьянами не изменила кабального земельного строя в целом. Если же в результате реформы и произошло усиление позиций кулаков, то от этого никак не могли выиграть помещики. Последние получили серьёзного конкурента на хлебном рынке. Аппетиты этого конкурента росли, и приобретения за счёт

⁶ Головин Ф. А. Воспоминания о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 4. С. 153.

общинных земель не могли удовлетворить его. При этом ликвидация общинных порядков способствовала росту самосознания зажиточного крестьянства и крестьянства вообще, росту личного начала, особенно в молодом поколении. А столыпинская политика предлагала этим людям прежние сословные порядки, сохранение привилегированного положения помещиков. «Крах столыпинской реформы был обусловлен главным объективным фактором – тем, что она проводилась в условиях сохранения помещичьего землевладения и для сохранения этого землевладения»⁷. Степень внутренней противоречивости реформы Столыпина превращала её в заведомо обречённую. Столыпинскую политику можно было проводить, но недолгое время и в условиях чрезвычайного положения. Длительное мирное и спокойное развитие страны при такой политике было невозможным. Она резко усилила противоречия среди крестьянства и обострила противоречия между крестьянами и помещиками.

Когда началась мировая война, в одном окопе оказались три силы: офицер-помещик, унтер-кулак и солдат-батрак. Все при оружии, и каждый ненавидит двух других. Надолго ли может хватить такой армии? Небоеспособной армию сделали не листовки революционеров, а политика правительства.

В деревне «произошло ещё большее социальное расслоение, и в 1917 году неблагоприятные результаты реформ Столыпина проявились с особой остротой», - писал французский историк М. Ферро⁸. «Его аграрная реформа, хотя и создала зачатки независимого крестьянства, вместе с тем вызвала бегство наиболее беднейшей его части в города, где они превратились в пролетариат, вскоре отчаявшийся из-за невыносимых условий своей повседневной жизни и сплотившийся в силу совместной работы на крупных заводах»⁹.

Когда крестьяне начали в 1917 г. захватывать помещичьи земли и жечь помещичьи усадьбы вместе с их обитателями, сначала стихийно, а после ленинского декрета о земле – на законном основании, то среди них были и батраки и кулаки. Причём, пока батраки разжигали огонь, кулаки делили лучшие земли.

⁷ Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 93.

⁸ Ферро М. Николай II. М., 1991. С. 147.

⁹ Там же. С. 143.

Не будем винить в недалёкости одного Столыпина. Классовый интерес застил глаза не только ему. Несовместимости интересов кулаков и помещиков не понимали ни Колчак, ни Деникин. Белые начали отбирать землю у крестьян, и отдавать её помещикам. Власть белых правительств в годы Гражданской войны кончилась, как только кулак, не говоря уже о середняке и батраке, в массе своей высказался за большевиков. Потому что помнил, что помещичью землю получил по декрету Ленина.

Второй «подвиг» Столыпина, который ему зачли в наше время на предмет превращения в «великого государственника», это его национальная политика. Нет необходимости вдаваться в подробности. Модель здесь та же, что и в политике аграрной: всё наоборот как универсальное средство. Татарские князья, немецкие принцы, остзейские бароны, польско-литовские шляхтичи, кавказские беки и мелики, среднеазиатские эмиры и ханы – все они на протяжении столетий находили себе место в общеимперской элите России. Имперское правительство, расширяя границы страны, не покушалось на традиционные пределы власти местных элит. Раздача земель за службу не приводила к острым конфликтам между русскими и местными помещиками. Представители национальных элит идентифицировали себя, свои жизненные перспективы со службой «белому царю». Бухарский эмир и хивинский хан соревновались между собой, кто раньше получит следующий по рангу российский орден.

«Великий реформатор» Столыпин в качестве приоритета политического курса провозгласил: «Россия для русских». Если бы национальная политика Столыпина ограничилась еврейскими погромами, организованными полицией и благословляемыми православными иерархами, было бы ещё ничего. Он бы не вышел за рамки традиционной политики самодержцев России. Но Столыпин начал активно поддерживать русскую часть элит окраин империи, накачивать эти круги материальными средствами, формировать из них политические структуры, чтобы опираться на них в русификаторской политике. В идеале была поставлена задача отстранения национальных элит от управления своими регионами. В результате национальные отношения в империи резко обострились как по всему периметру её окраин, так и в центре – в Государственной Думе. Часть русских депутатов от окраинных губерний прославилась своими националистическими

выходками. Они щедро оплачивались из секретных фондов МВД, которое возглавлял Столыпин. Большинство же русских депутатов от этих губерний выступило в Думе против националистического законодательства, ссылаясь на то, что русскому населению оно принесёт только вред. Стремительно в эти же годы начало оформляться национальное самосознание местных элит. К 1917 году во всех национальных регионах уже были в той или иной степени готовы властно-политические структуры, нацеленные на отделение и независимость.

Самоубийственность национальной политики Столыпина была очевидна многим сторонникам самодержавия. Самый знаменитый случай, показавший несостоятельность этой политики был связан со столыпинским законопроектом о выборах земств западных губерний, посредством которого Столыпин хотел отстранить польских магнатов от властных структур. Законопроект был провален фракцией правых Государственного Совета во главе с П. Н. Дурново и В. Ф. Треповым, которые справедливо считали, что интересы крупных польских землевладельцев им ближе, чем интересы русских мелких дворян и разночинцев Привисленского края. Столыпину пришлось вырвать у царя согласие на временный роспуск Госдумы и Госсовета и введение закона о выборах земств западных губерний чрезвычайным царским указом.

Столыпин сам по себе всё более превращался в проблему для царского двора. Столыпин как человек волевой и самостоятельный, вообще, был белой вороной в окружении Николая II. Царь не переносил таких людей, они в правительстве долго не задерживались. Только страх перед революцией обеспечивал положение Столыпина. Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна писала: «Николай не может прогнать Столыпина, так как знает, что несёт такую же ответственность, как и он. В конце концов, он ему уступит. А потом не простит ему этого»¹⁰. После случая с западными земствами необходимость избавиться от Столыпина стала для царского двора насущной, и выстрел Богрова прозвучал вовремя.

В предреволюционные годы полное банкротство Столыпина как политика, как государственного деятеля было ясно всем, очевидно. Достаточно напомнить, что ни в мемуаристике, ни в исторической

литературе ответственность за убийство Столыпина никогда не возлагалась на революционеров. Непосредственный убийца Столыпина – эсер и еврей: чего ещё желать? Тем не менее, преобладающая версия убийства: «спецоперация», проведённая с ведома царского двора подчинёнными Столыпину полицейскими чинами. Во всяком случае, несомненным на тот момент было осознание, что Столыпин превратился в проблему для власти. Политика его провалилась. Но самого его опасались. Избавиться от него руками революционера-провокатора стало наилучшим выходом из ситуации.

Столыпин всё же стал «спасителем России», только не в реальной истории, а в области социальной мифологии. Миф о Столыпине конца 1980-х – 1990-х гг. – один из важных инструментов идеологического обеспечения реставрации капитализма в России. Правда, «ирония истории» вновь позаботилась о верности выбора. В качестве нового явленного кумира оказался избран человек, резко ускоривший движение России к революции.

Когда сегодня поют осанну самоуверенному политическому неудачнику Столыпину, это весьма показательно и вполне характеризует интеллектуальный и политический уровень тех, кто это делает. Социальные и национальные противоречия продолжают обостряться в результате политики, осенённой исторической преемственностью со Столыпиным. Столыпин своё дело сделал: его политика снесла все социальные преграды, ещё сдерживавшие близкий приход революции.

Николай II

Чтобы вероятность революции превратилась в неизбежность, теперь необходимы были политические условия. Их создал Николай II всей своей линией поведения и управления страной. Систему управления нужно было довести до такого состояния, чтобы соображения преданности монарху или верности присяге и Верховному главнокомандующему, коим Николай II был с 1915 г., люди отбрасывали как изживший себя хлам.

Россией может управлять и способный, и малоспособный и вовсе неспособный человек. Важно, чтобы он осуществлял это управление,

¹⁰ Ферро М. Николай II... С. 149.

чтобы процесс обмена команд на донесения не прерывался, чтобы работала «вертикаль власти», чтобы «шея», связывающая управленческую головку с туловищем страны не отсыхала. Но именно эта беда и случилась с Николаем II.

Первоисточником изоляции, а скорее, самоизоляции царской семьи был чрезмерно разившийся мистицизм. И Николай II, и Александра Фёдоровна слепо верили в особую мистическую связь неограниченного русского православного монарха со «своим» народом. «Преклонение перед самодержавием и вера в какую-то “неземную” связь русского царя с его народом стали её религией и направили все силы её ума и воли на поддержание в её муже решимости до конца бороться с возраставшим народным самосознанием против тех уступок, кои на самом деле диктовались жизнью», - писал об императрице Александре Фёдоровне генерал Ю. Н. Данилов¹¹. Хотелось бы сразу отменить нелепые обвинения в адрес царицы, десятилетиями кочевавшие по литературе. Даже в третьем издании Большой советской энциклопедии, которое в целом может служить образцом объективности, читаем, будто она была «главой германофильской группировки при дворе», а «во время 1-й мировой войны – сторонница заключения сепаратного мира с Германией»¹². Александра Фёдоровна была православной и русской патриоткой.

Проблема была в другом: политическое мировоззрение царя и царицы в одинаковой степени носило мистический характер и покоилось на вере в то, что неограниченная и самодержавная власть определена им богом, что она органична и необходима в силу народной любви. А. Я. Аврех правильно заключал, что «без учёта этой исходной посылки невозможно правильно понять и оценить политику царизма в последние годы его существования»¹³. С этих позиций генералы и чиновники – лишь посредники, мешающие прямому общению с возлюбленными подданными, а либералы и социалисты – неукоренённые в русском народе интеллигенты. Общая мировоззренческая установка держалась у Александры Фёдоровны на таком живом «якорю», каким был Распутин – мистический га-

рант благополучия династии. Он одновременно представлял собою и божье благословление и народную любовь к царю. Не будем останавливаться на известных семейных проблемах, усиливших эти настроения царицы. Важно, что разуверить царскую чету в этой слепой и попросту глупой вере не могли никакие факты, никакие предостережения самых преданных и пользующихся их доверием людей.

Что же касается царя, то он вырос с мыслью о божьем помазании, и всякое ослабление религиозного чувства было для него равносильно развенчанию собственного положения. «Не рассчитывая на свои силы и привыкнув недоверчиво относиться к окружившим его людям, император Николай II искал поддержки себе в молитве и чутко прислушивался ко всяким приметам и явлениям, кои могли казаться ниспосылаемыми ему свыше. Отсюда его суеверность, увлечение одно время спиритизмом и склонность к мистицизму, подготовившими богатую почву для разного рода безответственных влияний на него со стороны»¹⁴. Вот ключ к пониманию отношения Николая II к Распутину. Он мог скептически воспринимать какие-нибудь из камланий старца, но всегда следовал его политическим и военным подсказкам. Чем для царицы был Распутин, тем для царя стали черносотенцы. Их послания, встречи с их лидерами подпитывали мистические фантазии царя о любви русского народа к своему самодержцу. Черносотенцы же более или менее добросовестно отработывали те деньги, которые получали из секретных фондов дворца и департамента полиции. Когда новый дворцовый комендант Воейков прекратил выплаты правым и черносотенным организациям из дворцовой казны, он сразу стал объектом нападков Пуришкевича в Думе¹⁵. Во время войны подобные выплаты вообще почти сошли на нет. Пропорционально сокращению выплат сдулась и политическая активность черносотенных организаций, в которых Николай II видел народную опору своей власти.

«Вместо попытки более реального сближения монархии с её народом, путём привлечения последнего к управлению государством,

¹¹ Данилов Ю. Н. На пути к крушению. Челябинск, 2010. С. 159.

¹² Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1969. Т. 1. С. 409.

¹³ Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 24.

¹⁴ Данилов Ю. Н. На пути к крушению... С. 151.

¹⁵ Воейков В. Н. С царём и без царя. М., 1995. С. 36-37.

была создана бездна, которая, в конечном результате, поглотила династию», – писал генерал Ю. Н. Данилов¹⁶.

Изолированность царской семьи от общества, от народа, существование в искусственном мире, в «заколдованном круге» – подобное было и в прежние времена присуще самодержавию. При Николае II пропасть эта достигла максимального предела. Он оказался полностью изолирован от сил, на которые только и мог опереться в своей политике. Речь идёт 1) о императорской фамилии, включая вдовствующую императрицу и великих князей, о высшей бюрократии и генералитете, 2) о крупных помещиках и крупной буржуазии. Царь и царская семья в узком смысле слова, т.е. царская чета и их «семейное» окружение оказались в состоянии жёсткой конфронтации с этими социально-политическими силами.

В императорской фамилии царская семья, как известно, не имела опоры ни в ком. Отношения царя с родственниками – история постоянных проблем, претензий и обид. Царица вообще рассматривалась Романовыми как чужой человек. Неприятие было взаимным. Главным объектом ненависти для царской семьи стал неформальный лидер императорского дома великий князь Николай Николаевич (Младший). Самоубийственность, абсурдность вражды с ним видна хотя бы из того, что она была направлена против человека, занимавшего посты командующего гвардией и Петербургским военным округом, а с началом войны – Верховного главнокомандующего. Настойчивость Александры Фёдоровны привела к отстранению Николая Николаевича от должности Верховного главнокомандующего, которую принял на себя сам царь. Николай Николаевич был переведён в Тифлис командовать Кавказским фронтом. В литературе многократно описан случай, когда оппозиционные думские деятели в январе 1917 г. передали Николаю Николаевичу через тифлисского городского голову Хатисова предложение возглавить страну. Некоторыми историками факт оспаривается, но в нём нет ничего невероятного. Николай Николаевич не осудил сделанное ему предложение, не арестовал Хатисова, хотя обязан был это сделать, и не проинформировал о случившемся царя. Случай, показывающий, что разрыв царской семьи с императорской фамилией, высшей бюрократией и генералитетом

достиг предела. После убийства Распутина царь получил несколько индивидуальных и коллективных демаршей от великих князей с требованием освободить от наказания участника убийства Распутина, великого князя Дмитрия Павловича. Во всех этих письмах рефреном шла мысль, высказанная непосредственно царю его родным братом Михаилом Александровичем: «Вы не имеете права увлекать за собою ваших родственников в пропасть»¹⁷. Семейство Романовых покинуло царя ещё до начала революции. Одновременно оно укрепило свои связи с Гучковым и военными.

Среди военных отношение к царю было в целом негативным. Показательно в этом отношении мнение генерала А. А. Брусилова – не только как самого известного русского генерала Первой мировой войны и командующего одним из фронтов, но и как человека нейтрального, не замешанного в дворцовые интриги. Во всех его оценках сквозит неприязнь и презрение к никчёмности царя как человека и главнокомандующего. «Связь царя с фронтом состояла лишь в том, что он ежедневно по вечерам получал сводку сведений о происшествиях на фронте. Думаю, что эта связь чересчур малая; она с очевидностью указывала, что царь фронтом интересуется мало и ни в какой мере не принимает участия в исполнении столь сложных обязанностей, каковые возложены по закону на Верховного главнокомандующего»¹⁸. Но появление царя в войсках вызывало ещё большее раздражение А. А. Брусилова: «Ни фигурой, ни умением говорить царь не трогал солдатской души и не производил того впечатления, которое необходимо, чтобы поднять дух и сильно привлечь к себе сердца»¹⁹.

Что же касается средней массы русского дворянства, то царь просто не брал в расчёт мнение этих людей. Съезд «объединённого дворянства» в ноябре 1916 г. обратился к царю с просьбой убрать «тёмные силы» и создать «министерство доверия». Николай проигнорировал призыв дворянского съезда. «Разобщилося то, что выглядело нерасторжимым. Перестал функционировать сам механизм взаимопонимания и взаимодействия. Верховная власть и господствующая

¹⁷ Ферро М. Николай II... С. 213.

¹⁸ Брусилов А. А. Мои воспоминания. Харьков, 2012. С. 172.

¹⁹ Там же. С. 165.

¹⁶ Данилов Ю. Н. На пути к крушению... С. 160.

щий класс изолировались друг от друга в тот момент, когда взаимное сплочение было для них особенно необходимым»²⁰.

Вторая естественная для царизма опора – верхушка помещиков и буржуазии, заправлявшая в Государственной Думе. Парадокс состоял в том, что «чем больше страна радикализировалась, тем правее из-за избирательных законов становилась Дума, и тем большее влияние в ней приобретали дворяне. И тем упорнее царь и правительство отказывались вступать в диалог с Думой»²¹. Конечно, этот союзник более проблемный, чем высшая бюрократия, поскольку требует уступить себе часть власти. Но дальше назначения правительства, ответственного «перед монархом и Думой», притязания октябристского думского большинства не шли. Думские лидеры во главе с Гучковым стремились предотвратить усиление нелегальной оппозиции – этим и были продиктованы все их «заговорщические» действия.

Фигура председателя Третьей Государственной Думы, а затем члена Госсовета А. И. Гучкова демонизировалась царём и царицей. Он рассматривался ими как «вдохновитель по внедрению революционного духа в штабах и руководящих военных сферах»²². Подобная конфронтационная ограниченность настраивала против царской семьи и буржуазные деловые круги, и земских деятелей, и военное командование. Правитель, который мог бы трезво оценивать положение сил, неизбежно стал бы блокироваться с лагерем Гучкова. Другого пути сохранить власть не было. Гучков был монархистом и сторонником такой конституционной монархии, при которой не будет «какого-либо умаления царской власти». Причём сам Гучков проявлял готовность к конструктивной работе с высшей военной бюрократией в рамках думской комиссии по государственной обороне. Об этом свидетельствует сотрудничавший с ним генерал В. И. Гурко²³. Однако, попытки чинов правительства установить взаимодействие с Гучковым решительно пресекались царской семьёй. В 1909 г. военный министр генерал А. Ф. Редигер во время заседания Думы всего лишь позволили себе признать справедливость критических

замечаний, высказанных Гучковым. Он тут же потерял пост министра, а напоследок царь заметил ему, что «Гучкову следовало бы дать решительный отпор»²⁴. «По разумению царя, оппозиция начиналась с самого премьер-министра, – остроумно замечает М. Ферро. – Вслед за С. Ю. Витте жертвами его подозрений стали такие далёкие от либеральных идей люди, как А. Ф. Трепов и П. А. Столыпин. Когда И. Л. Горемыкина пригласили войти в правительство во второй раз, ему было 75 лет. Но зато он обладал почтительными манерами высокопоставленного чиновника, который получает приказы и передаёт их подчинённым. Он не мог внушить подозрение своему государю. К тому же он тоже игнорировал Думу»²⁵.

Подавляющее большинство политиков из среды господствующего класса были отстранены от принятия государственных решений. С 1915 г. императрица с позволения царя стала активно вмешиваться в дела управления, входя подчас даже в военные дела. Подобное поведение рождало неприязнь к Александре Фёдоровне. Хорошо известно, что назначения министров производились по советам Распутина, который за взятки проводил то или иное решение. Но дело не только в этом, а в том, как принимались решения. Механизм принятия решений был парализован.

Александра Фёдоровна требовала, чтобы министры приезжали к ней с докладами. Поскольку юридически она была частным лицом, люди независимые не шли на подобное унижение. Таких быстро вычищали из правительства. Потому во главе правительства и был вновь проставлен престарелый И. Л. Горемыкин. Горемыкин исполнительно ездил на доклады к императрице. Считалось, что он делает это не как глава правительства, а как председатель Комитета о попечении раненых, который императрица официально курировала. Но суть дела от этого не менялась. Последний председатель Совета Министров Н. Д. Голицын и вовсе был формальным подчинённым Александры Фёдоровны как председатель Комитета по оказанию помощи русским военнопленным во вражеских странах, состоящего под покровительством императрицы.

²⁰ Аврех А. Я. Царизм накануне свержения... С. 214.

²¹ Ферро М. Николай II... С. 145.

²² Воейков В. Н. С царём и без царя... С. 131.

²³ Гурко В. И. Война и революция в России. М., 2007. С. 312-313.

²⁴ Редигер А. Ф. История моей жизни. М., 1999. Кн. 2. С. 279.

²⁵ Ферро М. Николай II... С. 144.

Важнейшим требованием к кандидатам на высокие посты стала приверженность Распутину и отказ от сотрудничества с Государственной Думой. Горемыкин закрывал сессию Думы, когда видел поползновения к самодеятельности, Голицын просто в неё не ездил.

При таких требованиях кадровый ресурс власти оказывался на редкость убогим. Продиктованные царицей правительственные назначения дискредитировали власть настолько, что против её ставленников выступили даже лидеры думских крайне правых с обвинениями в германофильстве. В первую очередь это касалось Б. В. Штюмера, а затем А. Д. Протопопова, заподозренного в попытках зондировать почву для сепаратного мира с немцами. Фигура Протопопова, конечно, весьма символична для иллюстрации полной политической несостоятельности российской монархии в 1917 г. Это был Хлестаков, наконец-то попавший в «генералиссимусы». Его бездеятельность и легкомыслие существенно облегчили победу Февральской революции. По всеобщему свидетельству участников событий, дела своего министр не знал совершенно и занят был развлечениями.

К характеристике Протопопова интересен такой факт. В октябре 1916 г. он привлёк генерала П. Г. Курлова в качестве своего заместителя (товарища, как эта должность именовалась). Курлов, хорошо зная своего нового патрона, сразу же попросил, чтобы тот не замедлил отправить в сенат бумагу о назначении. Курлов работал, подписывал разные распоряжения, но они не исполнялись, так как до сената бумага о его назначении не дошла. Когда это выяснилось, Курлов «прямо отправился к А. Д. Протопову. Он схватился за голову и воскликнул, что забыл подписать рапорт, после чего начал тщательно разыскивать его в грудe бумаг, заполнявших все столы в кабинете. Наконец, рапорт нашёлся, и я, – вспоминал П. Г. Курлов, – положил его около министра, прося подписать, на что получил уверение, что он сейчас это сделает»²⁶. После того как эта история повторилась ещё дважды, Курлов подал в отставку и сенат зарегистрировал назначение и увольнение Курлова одним и тем же днём. Генерал А. И. Спиридович считал, что Протопопов намеренно затягивал решение вопроса с Курловым, т. к. опасался негативной реакции думских деятелей. Но репутация самого Протопопова в этой среде была не лучше. В лю-

бом случае налицо фантастическое легкомыслие министра внутренних дел. Во все дни Февральской революции Протопопов занимался тем, что обедал и ужинал у своих знакомых, уверяя их, что генерал Хабалов и так подавит беспорядки.

В чём же секрет неизменного благоволения царя и царицы к такому человеку? Протопопов говорил монаршим особам то, что хотели от него услышать – вместо правды. Доклады свои составлял из выдержек из верноподданнических адресов черносотенных организаций, а в критические моменты просто врал. Поэтому и держался в фаворе. Он повсюду кричал, что «кровью зальёт Россию», а когда пришла революция, добровольно сдался Керенскому. Система власти претерпела закономерную эволюцию от Столыпина к Протопову. «Это был отнюдь не парадокс, это была закономерность»²⁷. Обратного хода у этого режима не было.

Нечего и говорить, что за пределами вождей октябристов царская семья вообще не хотела видеть никаких политических сил, не принимала их всерьёз. В этом отношении характерны мемуары генерала В. Н. Воейкова, и вовсе не потому, что он как дворцовый комендант знал больше других. Воейков стал дворцовым комендантом потому, что по своему кругозору и уровню мышления, вернее, по их сугубой ограниченности был понятен и удобен царю. Оценки Воейкова – те же оценки царя. Кадеты для них – агенты еврейского масонства, а все, кто левее кадетов – «подонки», которые собираются в «Советы собачьих депутатов»²⁸. «Между столь далёкими ему социалистами и более близкими либералами Николай II не видит никакой разницы», – пишет М. Ферро²⁹. Простим эту оговорку французскому историку. Какая уж тут близость царской камарильи к либералам! Вот когда Ферро пишет, что корниловщина – движение фашистского типа – это глубоко верно³⁰.

Вернёмся, однако, в дни начала революции. 24 февраля 1917 г. Александра Фёдоровна пишет Николаю II: «Я надеюсь, что Кедринского из Думы повесят за его ужасную речь – это необходимо (во-

²⁷ Аврех А. Я. Царизм накануне свержения... С. 146.

²⁸ Воейков В. Н. С царём и без царя... С. 185, 196.

²⁹ Ферро М. Николай II... С. 10.

³⁰ Там же. С. 325.

²⁶ Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1992. С. 236.

енный закон, военное время), и это будет примером»³¹. Вот уровень компетентности фактической правительницы России. Человек, о котором она пишет (А. Ф. Керенский), через несколько месяцев возглавит страну и примет решение о высылке царской семьи из Царского Села в Тобольск. Но царица не может правильно воспроизвести его фамилию, хотя он уже несколько лет возглавляет одну из думских фракций.

Февральская революция 1917 г. стала закономерным результатом государственной деятельности камарильи царской семьи. Историки до сих пор спорят, не могут принять вывод о спонтанности революционного процесса. Вспоминают слова Ленина, который накануне революции считал её невозможной в ближайшее время. Наконец, решением проблемы становится версия о масонском заговоре. Тщательно перечисляют всех масонов среди думцев и министров Временного правительства. При этом забывают, что заговором в Российской империи было уже само обсуждение вопроса о пригодности действующего монарха к исполнению своих обязанностей. В этом смысле заговор, конечно, был. Только вот «революция наступила быстрее, чем осуществился заговор»³². Столь авторитетный свидетель событий, как Н. Н. Суханов, писал: «Уличное движение масс в февральские дни не обнаруживало никакой планомерности. Никакого правильного руководства им констатировать было нельзя... Позиция буржуазии, от кадетов и прогрессистов до правых думских фракций, была совершенно ясна: это была позиция, с одной стороны, отмежевания от революции и выдачи её царизму, с другой – использование её для своих комбинаций. Но это, отнюдь, не была позиция присоединения к ней, хотя бы в форме её покровительства»³³. Гучков, Милюков и другие лидеры Думы быстро убедились, что не их трусливые заговорщические планы определяют течение революции, а наоборот.

Революция произошла сама, по классической ленинской формуле «верхи не могут, низы не хотят». Она почти неизбежно *вытекала* из совокупности принятых царским правительством *управленческих*

решений. Царь в те дни был, как известно, в отъезде, в Ставке. Управленческая машина работала так, как была налажена заранее.

Императрица не выносила генерала Н. В. Рузского, командующего Северным фронтом. Она считала его креатурой Гучкова и опасалась в столице заговора и дворцового переворота, в котором Рузский мог бы участвовать. Поэтому Петроград был в 1916 г. выделен из подчинения Рузскому и передан в непосредственное подчинение военному министру М. А. Беляеву, получившему своё назначение по благоволению императрицы. Главнокомандующим Петроградским военным округом был назначен генерал С. С. Хабалов.

Военное начальство Петрограда было, таким образом, из благих побуждений, изолировано от войск фронта. В решающий момент привлечение войск с фронта для подавления революции оказалось невозможным.

В качестве командующего был подобран неяркий генерал, от которого требовалась только исполнительность. Генерал Хабалов не пользовался авторитетом и отличался нерешительностью. К его характеристике интересен следующий факт. Когда революция победила, его арестовали и препроводили в «министерский павильон» Государственной Думы, где находились под арестом бывшие царские сановники. «На вопрос прапорщика Знаменского о его личности генерал Хабалов, к нашему удивлению, - рассказывал потом один из находившихся под арестом генералов, - назвался какой-то мне неизвестной фамилией, прибавив, что он – командир казачьей бригады и находится в отпуске. Конечно, мы не возражали, и он был тотчас же освобождён. На другой день его вновь доставили в павильон под своей собственной фамилией, причём присутствовавший комиссар заметил, что такого поступка от главного начальника округа он никак не ожидал»³⁴.

С началом беспорядков вся полнота власти в Петрограде была передана генералу С. С. Хабалову. Ему были подчинены и полицейские части. В результате министр внутренних дел Протопопов полностью положился на Хабалова. Председатель Совета Министров Голицын и правительство были уверены, что все меры приняты. А генерал Хабалов «во-первых, не знал и не понимал, что в таких случаях надо

³¹ Ферро М. Николай II... С. 225.

³² Там же. С. 216.

³³ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 53, 58.

³⁴ Курлов П. Г. Гибель императорской России... С. 248.

делать, а главное – он был уже совершенно растерян и напуган»³⁵. Вся полнота власти была передана тому, кто не знал, как ей воспользоваться.

Всё получилось чисто по-русски: не порядок из хаоса, а хаос из порядка. Протопопов и Хабалов заранее утвердили план подавления беспорядков. Когда беспорядки начались, план вступил в силу. Согласно этому плану, все районные полицеймейстеры были подчинены военным начальникам районов города. Хорошо известно, как во все времена и во всех армиях военные относятся к выполнению возлагаемых на них полицейских функций. Подчинённые генералу Хабалову строевые офицеры не составляли исключения. Они не только не хотели, но и не умели действовать как профессиональные полицейские.

В течение нескольких дней обезглавленная полиция не предпринимала реальных действий по разгону демонстрантов. Участились случаи братания демонстрантов с казаками, нападения и убийств отдельных стражей порядка. Постепенно был пройден психологический рубеж, после которого жёсткие меры приводят не к спаду движения, а лишь озлобляют его участников и подстёгивают их активность. Спустя несколько дней относительной вольницы, заполненных массовыми хождениями толп народа, которые с каждым днём революционизировались, генерал Хабалов, побуждаемый телеграммой царя, отдал приказ стрелять. Стрелять «по уставу», после трехкратного предупреждения сигналом. «Распоряжение было совершенно неправильное, – возмущался потом «профессионал» по этой части, жандармский генерал А. И. Спиридович. – В каждом случае об открытии огня должен принимать решение начальник на месте. Вот почему должны быть полицейские начальники!»³⁶. Спиридович вообще считал, что если бы в самом начале арестовали и расстреляли на месте десяток-другой «зачинщиков», никакой революции бы не случилось.

Приказ есть приказ. Военные начальники выполнили его по-армейски прямолинейно, не сообразываясь ни с характером толп, ни с их психологическим настроением в данный момент. К проведению

акции были привлечены солдаты запасных полков, которых было много в прифронтовом городе. Они были брошены против демонстрантов. Причём стреляли солдаты с дальнего расстояния, не в упор, по случайной толпе. Стреляли по меркам ситуации «поздно», т.е. тогда, когда жестокие меры могли уже не столько запугать, сколько ожесточить демонстрантов, когда восставшие уже уверились, что власть не в состоянии подавить движение.

«Применение оружия против толпы всегда производит сильное впечатление на солдат и на офицеров. Когда же стрелять приходится по невооружённой толпе, среди которой большинство просто зеваки, впечатление складывается ужасное. Вид безоружного противника, вид убитых и раненых смущает солдат. А правильно ли поступает начальство, приказывая стрелять? А хорошо ли, что мы стреляем? Эти вопросы невольно приходят в голову солдат. Смущены бывают и офицеры, а отсюда и стрельба вверх и пальба холостыми залпами»³⁷. Результатом стрельбы по демонстрантам стали солдатские бунты, вспыхнувшие вечером, ночью и на следующий день в нескольких полках, расквартированных в Петрограде: у волынцев, павловцев, преображенцев. О них Хабалов и Протопопов докладывать царю в Ставку побоялись. Первая половина следующего дня прошла спокойно. Царю в Могилёв полетели обнадеживающие телеграммы. После полудня наступил обвал. Прорвалась ненависть к офицерам, начались убийства офицеров и братание солдат и рабочих. Точка невозврата была пройдена также спонтанно, но и, вместе с тем, закономерно: «Небольшой отряд конной полиции имел директиву разогнать толпу, скопившуюся на Екатерининском канале; ради своей безопасности городские стали стрелять в толпу с противоположной набережной, через канал. В это время на Екатерининском канале по набережной, занятой толпой, проходил посланный куда-то отряд павловцев. И здесь произошёл исторический факт, знаменовавший перелом событий, открывший новые перспективы движения. Видя картину расстрела безоружных, видя раненых, падающих около них, находясь сами в районе обстрела, павловцы открыли огонь через канал по городским»³⁸.

³⁵ Спиридович А. И. Великая война и февральская революция. Минск, 2004. С. 534.

³⁶ Там же. С. 522.

³⁷ Спиридович А. И. Великая война и февральская революция... С. 536.

³⁸ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1... С. 65.

После этого плотина была прорвана, войска вышли из повиновения. Пронеслась весть о роспуске царём Государственной Думы. Дума вопреки планам её лидеров оказалась центром революции. В Думу устремлялись делегации от воинских частей с заявлениями о признании новой власти. Все действия Гучкова, Милюкова и других думских лидеров, недавних «заговорщиков», в эти дни были нацелены на сохранение монархии в какой бы то ни было форме. «Но события не ждали закулисных комбинаций сильных старого мира. Народная революция шла своим ходом на всех парах, ежечасно меняя всю политическую конъюнктуру, опрокидывая “комбинации” либералов, генералов и плутократов и волоча за собою на поводу Государственную Думу как политический центр буржуазии... Общественные верхи в лице Государственной Думы не шли к революции. Революция, так или иначе, пошла к ним»³⁹. В победе революции не осталось сомнений, когда «солдаты конвоя Его Величества в полном составе прибыли в Государственную Думу с разрешения своих офицеров, а депутаты этих солдат просили разрешения арестовать тех офицеров, которые отказались принять участие в восстании»⁴⁰.

Венчающий все произошедшее штрих – как сработала тогдашняя «вертикаль власти». В том, что генерал Хабалов сдался без боя, а правительство князя Голицына самораспустилось, не было ничего удивительного. Крайне характерно другое. Власть ведь в конечном итоге замыкалась на Александру Фёдоровну. В это время в Царском Селе у неё были больны корью дети, и заболела её подруга Вырубова. «На другом конце дворца лежала в жару любимая царской семьёй Вырубова. У неё температура была более 40 градусов. Императрица в костюме сестры милосердия была то у детей, то у Вырубовой. Она руководила всем, сама ухаживала за больными. Царица была настолько занята больными, что даже не смогла лично выслушать генерала Гротена, который ездил к Протопопову за новостями. Царица поручила выслушать генерала своей подруге госпоже Ден. Протопопов прислал письмо, в котором сообщал, что вчера положение было хуже, сегодня лучше, произведены многочисленные аресты... После

завтрака государыня была с Марией Николаевной у Знаменья. Потом поехали на могилу Распутина»⁴¹.

Александра Фёдоровна настойчиво добивалась реальной власти и получила её из рук мужа (есть соответствующие письма Николая II). Получила ценой окончательного омертвления всякой живой связи, всякого взаимодействия между царской семьёй и высшим светом, обществом, представителями народа и самим народом, ценой полного окукливания в затхлой распутинской среде. Всё это делалось ради спасения династии, монархии, всего строя тогдашней России. Мнилось, что принятые меры укрепят силу власти, предохранят от революции.

Вот революция, наконец, происходит. Министр внутренних дел шлёт с докладом генерала: «В столице революция!». Царю, правда, доложить не получается. На месте царица. Ей бы и доложить. Но вот незадача, царица ухаживает за больной подругой, не может отойти. И посылает *другую свою подругу послушать, что там генерал доложит о революции*.

Налицо предел разложения данной системы управления. Засохшая властная головка отвалилась от вертикали власти, вертикаль посыпалась. Власть продемонстрировала полную политическую несостоятельность. Поэтому революция и стала неизбежной.

А. Я. Аврех, анализируя крах российской монархии, справедливо считал, что «в описываемое время полностью завершился процесс отчуждения господствующего класса и самого политического режима от страны и народа. В свою очередь, эта самоизоляция была конечным результатом исчерпанности строя в смысле его способности двигаться по пути прогресса, хотя бы в какой-то мере идти в ногу со временем, частично суррогатно решать поставленные историей задачи. Органическим следствием этой утраты было вырождение верхнего правящего слоя: государственные деятели с политическим кругозором... раздражали, мешали режиму полностью замкнувшемуся в самом себе... Конечным итогом этого процесса является самоизоляция верховной власти от своей же собственной среды, достаточно узкой и, в свою очередь, полностью отчуждённой от общества... Накануне своей гибели абсолютистский режим настолько замыкается

³⁹ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1... С. 74.

⁴⁰ Воейков В. Н. С царём и без царя... С. 182.

⁴¹ Спиридович А. И. Великая война и февральская революция... С. 528.

в себе, что изолирует себя не только от собственного класса, но и от привычного непосредственного окружения в лице камарильи, вернее её большей части... Иными словами происходит полный отрыв от реальной жизни, которая подменяется жизнью иллюзорной, где внешнее принимается за действительное, ложное – за истинное. При такой ситуации на первый план в царском окружении выходят не политики, обладающие способностями и опытом, а ничтожества, спекулирующие на самолюбии монарха, ибо главная иллюзия, которую порождает иллюзорная жизнь, состоит в убеждении в непогрешимости суждений и решений верховной власти. Заколдованный круг всё убыстряет своё вращение: чем выше мнение царя (и царицы) о своей правоте и мудрости, тем мельче окружение, подчиняющее своё поведение этому постулату... Угодники в прямом и переносном смысле начинают определять и направлять государственную политику»⁴².

Выводы

Благодаря экономическим реформам Александра II революция стала возможной, благодаря социальным реформам Столыпина – вероятной, благодаря политике Николая II – неизбежной. Узость классового интереса и упрямство в его отстаивании привели господствующие классы России к катастрофе.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Александр II.....	4
Столыпин.....	9
Николай II.....	15
Выводы.....	30

⁴² Аврех А. Я. Царизм накануне свержения... С. 43, 45.

С. Н. Корсаков

**КТО И КАК СДЕЛАЛ
РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ НЕИЗБЕЖНОЙ**

Издательство «СФК-офис»

г. Тверь, ул. Вольного Новгорода, 5

Компьютерная верстка – Н. Е. Красикова

Объем 2 п. л. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.

Подписано в печать .01.2018. Тираж 25 экз.